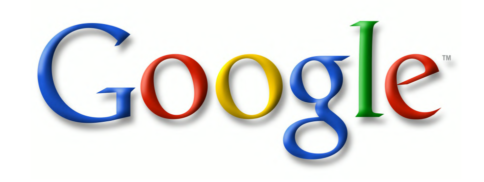
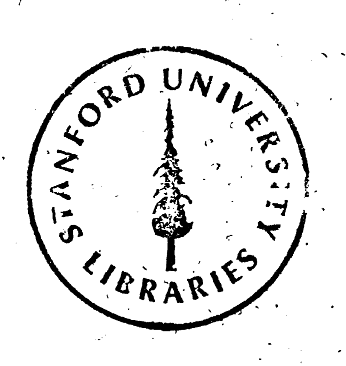
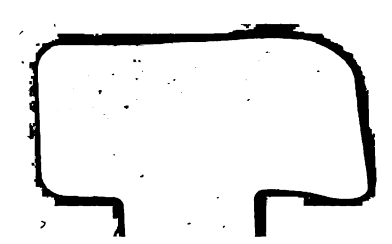

В. Алексѣевъ.

Земскіе соборы древней Руси.

Изданіе „Донская Рѣчь“
Н. Парамонова
въ Ростовѣ на Дону.

Оглавленіе.

Дозволено цензурою 12 декабря 1903 года. Ростовъ на Дону.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.
электро-печатня А. Теръ-Абраміанъ
1905.

Земскіе соборы древней Руси.

I.

Происхожденіе земскихъ соборовъ. Земскіе соборы въ XVI вѣкѣ.

Земскіе соборы древней Руси представляютъ изъ себя извѣстную форму участія народа въ управленіи страной. Въ различные періоды исторической жизни народа участіе его въ управленіи выражается въ различныхъ формахъ. Одной изъ такихъ формъ и являются земскіе соборы.

Въ древнѣйшее время народъ участвуетъ въ управленіи страной непосредственно, лично, въ составѣ всего взрослаго мужского населенія страны.

Это называется формой *непосредственнаго участія*. Самое участіе состоитъ въ томъ, что всѣ сходятся вмѣстѣ на площадь или поле и обсуждаютъ здѣсь сообща дѣла страны. Такъ было въ самой глубокой древности у всѣхъ народовъ. Такъ же было и у насъ на Руси, еще задолго до призванія варяговъ. „Новгородцы бо изначала (т. е. очень давно) и Смоляне, и Кіяне, и Полочане и вся власть (волости, области)—яко-же на-думу —*на вѣча сходятся*“, говоритъ первый русскій историкъ, лѣтописецъ. У однихъ такія сходбища назывались общимъ именемъ народныхъ собраній, у другихъ носили мѣстное названіе сеймовъ (Чехія), соборовъ (Сербія, Хорватія), вѣчъ. У насъ народныя собранія назывались *вѣчами*. По звуку вѣчевого колокола все взрослое и свободное населеніе (рабовъ и женщинъ не ви-

димъ на вѣчахъ) шло на городскую площадь и здѣсь обсуждало свои дѣла. Обыкновенно кто-нибудь выступалъ съ предложеніемъ, а остальные высказывались. Голосованія и рѣшенія дѣлъ по большинству голосовъ не было. Поэтому, если вѣче не приходило къ единогласному рѣшенію, собраніе нерѣдко кончалось шумными столкновеніями и даже общей дракой. Вѣче рѣшало всѣ дѣла: издавало законы, судило, назначало должностныхъ лицъ, объявляло войну, заключало миръ. На вѣчѣ же выбирались князья. Съ княземъ вѣче обыкновенно заключало договоръ, какъ ему править. И если князь нарушалъ договоръ, вѣче ему „показывало путь“, по тогдашнему выраженію. Вотъ какими широкими правами обладали древне-русскія народныя вѣча. Особенно полнаго развитія и большого вліянія достигли вѣча въ Новгородѣ и Псковѣ. Когда въ остальной Руси вѣчевой шумъ смолкъ, и народъ покорился власти московскихъ государей, здѣсь еще продолжали вершить дѣла на вѣчѣ и горячо спорить съ московскимъ княземъ.

Но такая форма участія народа въ управленіи возможна лишь тогда, когда управляемая вѣчемъ страна невелика, населеніе незначительно, а жизнь проста. Недаромъ она и наблюдается лишь на первыхъ ступеняхъ народной жизни, когда народы живутъ отдѣльными небольшими племенами или незначительными государствами—городами. Незначительные размѣры страны и населенія легко позволяютъ каждому пойти на вѣчевую сходку и принять участіе въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. Несложность жизни тоже облегчаетъ доступъ на собраніе,—достаточно досуга особенно при существованіи рабства, и не нужно особыхъ свѣдѣній или опыта въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ. Въ древней Греціи, напримѣръ, какъ и въ Римѣ, гдѣ государство равнялось городу, легко было собираться народному собранію. Народное собраніе государства здѣсь сводилось къ собранію горожанъ. А когда, напримѣръ, древне-

римское государство вышло изъ предѣловъ города и охватило „міръ“, стало „всемірнымъ“, то дѣйствительное народное собраніе созывать оказалось невозможнымъ. И оно обратилось въ пустой звукъ,—должно было уступить мѣсто другимъ учрежденіямъ.

Точно такъ же и нашимъ предкамъ, славянамъ, жившимъ порознь, небольшими группами, племенами, а потомъ „землями“, княжествами, легко было „яко же на думу, на вѣча“ сходиться. Напротивъ того, въ громадномъ московскомъ государствѣ, которое обняло своими предѣлами всю территорію великорусскаго племени, вѣчевыя собранія были уже невозможны. Какъ могли бы, напримѣръ, кіевляне или смольняне, новгородцы участвовать въ Москвѣ, столицѣ государства, на общенародномъ вѣчѣ?

Да и жизнь значительно измѣнилась,—исчезла первобытная простота, всѣхъ уравнивавшая и дѣлавшая для всѣхъ понятными условія жизни. Между людьми, отдѣленными другъ отъ друга большими пространствами, занятіями, средствами, положеніемъ, стало теперь больше разницы, чѣмъ сходства. Словомъ, жизнь усложнилась, и усложнился, такъ сказать, самый механизмъ управленія. И вѣча, народныя собранія, пали сами собой, исчезли вслѣдствіе измѣнившихся условій жизни.

Такая участь постигла вѣча, народныя собранія, вездѣ. И въ настоящее время они существуютъ въ Европѣ только какъ рѣдкое исключеніе въ кантонахъ Швейцаріи (въ Ури, Унтервальденѣ, Аппенцелѣ и Гларусѣ). Да и здѣсь народное собраніе созывается лишь разъ въ году—въ послѣднее воскресенье апрѣля мѣсяца, на открытомъ воздухѣ. На собраніи присутствуютъ, какъ имѣющіе право голоса, такъ и неимѣющіе, даже женщины и дѣти. Въ теченіе года страна управляется выборными должностными лицами и учрежденіями. На собраніи же народа представляются проекты новыхъ законовъ, разсматриваются отчеты правительства, вы-

бираются должностныя лица. Понятно, почему здѣсь сохранились народныя собранія до нашихъ дней: Швейцарскіе кантоны—занимаютъ очень небольшое пространство и немногочисленное населеніе кантоновъ легко собрать на „вѣче“. Кромѣ того, жизнь кантоновъ, не принимающихъ участія въ сложныхъ международныхъ отношеніяхъ, отличается *патріархальностью.*

Въ остальныхъ государствахъ Европы народныя собранія исчезли давнымъ давно.

Новыя условія жизни выработали и новую форму участія народа въ управленіи. Это—форма *представительства.* Она состоитъ въ томъ, что въ управленіи участвуетъ уже не весь народъ, какъ было въ народныхъ собраніяхъ, а выбранные имъ представители. Но форма представительства не сразу стала такой, какова она теперь въ государствахъ съ участіемъ народа въ управленіи. Она отъ народнаго собранія до современ ныхъ парламентовъ прошла промежуточную форму среднихъ вѣковъ—такъ называемыя *сословныя собранія,* сословное представительство. Такой переходъ отъ народныхъ собраній къ сословнымъ былъ, какъ на западѣ Европы, такъ и у насъ на Руси, но съ извѣстной разницей. Разница зависѣла отъ различія въ общихъ условіяхъ развитія русской и западно-европейской жизни. Поэтому, чтобы понять наши земскіе соборы, соотвѣтствующіе, какъ увидимъ, второй формѣ участія народа въ управленіи, сословнымъ собраніямъ западной Европы, надо разсмотрѣть ихъ въ связи съ общими историческими условіями.

На западѣ Европы историческія условія дѣйствовали такъ, что здѣсь очень рано образовались отдѣльныя сословія. И королевская власть, которая не участвовала въ образованіи сословій, оказалась лицомъ къ лицу со сплоченной сословной организаціей. Съ такой сплоченной организаціей, какую изъ себя представляли западно-европейскія сословія, нельзя было не считаться

и нужно было съ ними установить извѣстныя отношенія. Сословія были старѣе королевской власти, имѣли за собою историческую давность. Въ теченіе вѣковъ они завоевали себѣ извѣстное положеніе, усвоили извѣстные обычаи, привычки, наконецъ, пріобрѣли право и привилегіи. Особенно въ этомъ отношеніи выдвинулось дворянство и духовенство. Дворянство вначалѣ, какъ и у насъ, въ древней Руси, составляло военную дружину, предводимую княземъ. Но западно-европейскіе дружинники очень рано осѣли на мѣстахъ и пустили глубокіе корни въ занятой ими мѣстности. Они образовали классъ военно-служилыхъ землевладѣльцевъ и вступили въ прочныя отношенія къ своимъ вождямъ (сюзеренамъ). Эти отношенія—служебно-поземельныя впослѣдствіи закрѣпились въ видѣ очень сложной *феодальной* системы.

Система эта была построена на землевладѣніи и службѣ. Всѣ землевладѣльцы, какъ крупные, такъ и мелкіе, были связаны между собой службой. Самые мелкіе служили менѣе мелкимъ, мелкіе—крупнымъ, крупные—болѣе крупнымъ и т. д. Выходило такъ, что каждый землевладѣлецъ кому-нибудь да служилъ и самъ пользовался службой кого-нибудь. Не служилъ только никому стоявшій на верху этой живой лѣстницы—король, и никто не служилъ стоявшему въ самомъ низу лѣстницы—виллану (крестьянину). Служба была военная. Тѣ, которые служили другимъ, назывались вассалами (подданными), а тѣ, *которымъ* служили—сеньорами (господами). Сеньоры (средневѣковые бароны, герцоги, графы и т. д.) въ предѣлахъ своихъ владѣній были очень самостоятельны: творили судъ, издавали законы, вели войны съ сосѣдними сеньорами, иногда даже съ самимъ королемъ. Рядомъ съ этими свѣтскими феодалами стояли не менѣе самостоятельные духовные феодалы (аббаты, прелаты, епископы).

Этой то феодальной системой и былъ связанъ ко-

роль съ дворянствомъ и отчасти съ духовенствомъ. Хотя онъ, какъ мы видѣли, стоялъ на верху феодальной лѣстницы, однако, былъ частью ея и притомъ не всегда самой большой. Случалось, что кто-нибудь изъ феодаловъ, его вассаловъ, обладалъ большею земельною собственностью, чѣмъ король.

Понятно, какую серьезную силу имѣлъ передъ собой король въ лицѣ дворянства. Если эта сила за него,—онъ силенъ, если она противъ него,—онъ слабъ. А чтобы она была за него, нужно было съ ней ладить, уважать ея права. Не меньшую, если не большую силу представляло на западѣ Европы духовенство. Церковь занимала очень самостоятельное и обособленное положеніе, была, такъ сказать, государствомъ въ государствѣ и оспаривала власть у королей; кромѣ того, она обладала огромными богатствами.

Успѣхи торговли и промышленности выдвинули городскія и сельскія вольныя общины, которыя тоже противопоставили свои права королевской власти.

Главнымъ орудіемъ королевской власти были деньги и войско. Но то и другое находилось въ рукахъ сословій. Сословія обязаны были помогать королю деньгами и войскомъ, по договору и по стольку, по скольку требовалъ договоръ. Стало быть, пока король соблюдалъ договоръ, власть его была обезпечена. Нарушался договоръ—и помощь исчезала. Между тѣмъ, по условіямъ того времени (велись частыя войны) королю нерѣдко не хватало обычныхъ средствъ, требовались часто экстраординарные расходы. Взять ихъ было неоткуда, кромѣ какъ у тѣхъ же сословій въ видѣ субсидій или новаго налога. Въ обоихъ случаяхъ, однако, необходимо было согласіе сословій.

Такимъ образомъ на западѣ Европы королевская власть оказывается въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ сословной организаціей, и отношенія эти строятся, главнымъ образомъ, на матеріальной зависимости короля отъ со-

словій. Какъ мы видѣли, королю въ извѣстныхъ случаяхъ нужны были дополнительныя средства. А такъ какъ такіе случаи тогда бывали очень часто, то королю очень часто приходилось обращаться къ сословіямъ за согласіемъ (напримѣръ, ввести новые налоги). Для этого онъ созывалъ ихъ на собранія. Такимъ путемъ возникли сословныя собранія на западѣ Европы.

На эти собранія являлись не сословія цѣликомъ, поголовно, а представители сословій. Иногда сословія отказывали королю въ помощи или требовали за помощь какого-нибудь вознагражденія со стороны короля. По обстоятельствамъ, король или шелъ на уступки, или искалъ другихъ средствъ. И вотъ такимъ путемъ уступокъ и борьбы этихъ двухъ сторонъ, короля и сословій, сохранялись и переходили изъ поколѣнія въ поколѣніе права сословій. Особенно яркую и полную картину такой борьбы двухъ силъ даетъ намъ Англія.

На западѣ Европы развитіе формъ участія народа въ управленіи на этомъ не остановилось. Какъ народныя собранія уступили мѣсто сословнымъ, такъ послѣднія—народному представительству. Сословныя собранія, имѣвшія смыслъ и жизнеспособность въ средніе вѣка, когда сословія жили особыми интересами, утратили всякій смыслъ и стали непригодными въ новое время. Успѣхи знанія, образованія, торговли и промышленности, хозяйственные и политическіе перевороты перевернули вверхъ дномъ средневѣковый строй, разрушили застывшія сословія, перемѣшали людей различныхъ сословій и создали общій типъ гражданина, независящаго ни отъ какихъ сословныхъ рамокъ. Сословныхъ собраній не могло быть уже по одному тому, что исчезли самыя сословія въ средневѣковомъ смыслѣ. Средневѣковыя сословія отличались замкнутостью и обособленностью. Каждое сословіе имѣло свои права и обязанности, и переходъ изъ одного сословія въ другое былъ затруднителенъ. Теперь, съ

ослабленіемъ сословныхъ перегородокъ, на мѣсто сословнаго представительства явилось *народное* представительство. Это уже послѣдняя форма участія народа въ управленіи, существующая въ настоящее время.

Такъ шло на западѣ Европы развитіе формъ участія народа въ управленіи, въ тѣсной зависимости отъ общихъ историческихъ условій.

У насъ на Руси замѣтна такая же тѣсная зависимость формъ участія народа въ управленіи отъ общихъ историческихъ условій, но разница въ общихъ условіяхъ привела къ другимъ результатамъ. О формѣ непосредственнаго участія мы уже знаемъ,—тамъ было полное сходство съ западной Европой. Не то съ послѣдующими формами.

У насъ, какъ извѣстно, князь появляется на исторической сценѣ, какъ и на западѣ Европы, окруженный дружиной и при помощи дружины строитъ гражданскій порядокъ страны и защищаетъ ея границы. Но между княземъ и дружиной и остальнымъ обществомъ на Руси не завязывается тѣхъ прочныхъ связей, какія, мы видѣли, завязались на западѣ Европы и привели къ феодальной системѣ. Князей и дружинниковъ связывалъ личный договоръ, который соблюдался, пока обѣ стороны были довольны другъ другомъ. Но стоило одной сторонѣ на что-нибудь обидѣться, и связь между княземъ и дружинникомъ расторгалась. Князей на Руси до московскаго объединенія было много, и дружинники имѣли возможность выбирать между ними. Поэтому они служили тому князю, который доставлялъ имъ больше выгодъ, и до тѣхъ поръ, пока онъ доставлялъ эти выгоды. А когда выгоды уменьшались или отношенія портились, они уходили къ другому. Итакъ, дружинники находились въ постоянномъ движеніи, переходя отъ одного князя къ другому. Но и

князь не сидѣлъ спокойно. Какъ извѣстно, въ періодъ Кіевской Руси князья владѣли княжествами (княжескими столами, престолами), по старшинству. Русская земля въ цѣломъ принадлежала всему княжескому роду Рюриковичей, а отдѣльные князья владѣли временно отдѣльными княжествами (столами) и разсаживались по столамъ въ порядкѣ старшинства. Самый старшій занималъ лучшій столъ — кіевскій, великокняжескій, слѣдующіе за нимъ столы занимались въ очереди старшинства младшими князьями. Пока всѣ наличные князья были живы, всѣ сидѣли спокойно. Но вотъ кто-нибудь изъ князей умеръ, и все приходило въ движеніе. Отношенія старшинства вслѣдствіе смерти одного князя нарушались, и, чтобы возстановить ихъ правильность, князья снова распредѣляли между собой столы, снова передвигались и усаживались, до новой смерти кого-нибудь изъ князей. Итакъ постоянно происходила передвижка князей изъ города въ городъ. Дружинники тоже участвовали въ этой передвижкѣ, но сообразуясь со своими выгодами. Они или шли за княземъ, когда онъ переходилъ въ другой городъ, или оставались въ томъ же городѣ и служили уже новому князю.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока князья не прекратили мѣну княжескихъ столовъ и не осѣли прочно въ разъ доставшихся имъ княжествахъ. Это произошло въ удѣльный періодъ русской исторіи, когда Русь распалась на отдѣльныя княжества—удѣлы. Тогда князь пересталъ кочевать, сдѣлался осѣдлымъ жителемъ. Но дружинники въ это время еще продолжали свое скитальчество, кочевую жизнь. „Вольная воля“—было ихъ лозунгомъ*). „Вольная воля“; т. е. пол-

*) Если они и пріобрѣтали себѣ земельное имущество въ какомъ-либо княжествѣ, это не препятствовало ихъ свободнымъ переѣздамъ. По законамъ того времени, князь не могъ мстить отъѣхавшему отъ него дружиннику, и потому дружинникъ могъ, владѣя землей въ одномъ княжествѣ, служить другому князю, не опасаясь за свои земельныя владѣнія.

Задачи внутренней и внѣшней политики необыкновенно разрослись. Для выполненія этихъ задачъ необходимо было сплотить бродячее населеніе. И вотъ московскіе князья *стянули* разрозненные и подвижные классы населенія въ прочныя осѣдлыя сословія и положили на каждое сословіе свою службу. Одни стали служить лично (дворянство) другіе—работой на помѣщиковъ (крестьяне), третьи—деньгами (купечество). Разница, какъ видимъ, между исторіей сословій у насъ и на западѣ Европы очень большая. Эта разница настолько существенна, что ею обусловилась вся исторія отношеній между правительствомъ и населеніемъ и установленіе образа правленія.

„Въ Россіи (по словамъ глубокаго знатока русской исторіи, Б. Н. Чичерина) мы замѣчаемъ большую слабость (сравнительно съ западной Европой), но вмѣстѣ и большую податливость общественныхъ *стихій* (отмѣченная нами подвижность классовъ населенія), менѣе внутренней борьбы, но болѣе подчиненія, нежели на западѣ. Здѣсь (въ Россіи) должно было развиться не столько начало права, истекающее изъ крѣпости самородныхъ союзовъ и изъ требованій человѣческой личности, сколько начало власти, которое одно могло сплотить необъятныя пространства и разбросанное народонаселеніе во единое государственное тѣло. То общественное устройство, которое на западѣ установилось само собою, дѣятельностью общества, вслѣдствіе взаимныхъ отношеній разнообразныхъ его элементовъ, въ Россіи получило бытіе отъ государства; монархія сдѣлалась исходною точкой и вожатымъ всего историческаго развитія народной жизни. Народъ помогалъ ей всѣми силами въ устроеніи отечества, но не столько собственной инициативой, сколько подчиняясь мановенію сверху и неся на себѣ громадныя тяжести для общаго блага. Это историческое значеніе самодержавной власти дало ей такую мощь, какой она не имѣла ни въ одной

европейской странѣ, и передъ которою должны были исчезнуть взякія представительныя учрежденія". („О народномъ представительствѣ", стр. 525, изд. Сытина). Этой крупной особенности нашей исторіи никогда не надо забывать; безъ нея многое будетъ непонятно въ ходѣ русской исторіи.

Представительныя учрежденія, о которыхъ говоритъ Чичеринъ, тѣмъ не менѣе и у насъ появились и въ той же формѣ, какъ на западѣ, т. е. въ видѣ сословныхъ собраній. Такими собраніями у насъ были земскіе соборы. Но, разумѣется, между земскими соборами и западно-европейскими сословными собраніями, какъ и надо ожидать, была разница. Разница эта обусловливается описаннымъ нами ходомъ образованія сословій и отношеніемъ ихъ къ верховной власти.

Что это были за собранія сами по себѣ и въ сравненіи сь западно-европейскими, мы увидимъ послѣ. Теперь же посмотримъ, какъ они возникли.

Въ самомъ народѣ сознаніе необходимости участія „земли" въ управленіи никогда не умирало. Традиція поддерживала это сознаніе, а отдѣльныя лица напоминали о немъ. И какъ разъ во время высшаго подъема власти московскихъ государей раздаются голоса, напоминающіе о „землѣ". Жестокое, очень часто несправедливое обращеніе Ивана IV со своими боярами заставляло многихъ изъ нихъ бѣжать за границу. Въ числѣ бѣжавшихъ за рубежъ отъ царскаго гнѣва былъ извѣстный кн. Курбскій. Уѣхавъ въ Литву, онъ оттуда написалъ Грозному письмо, въ которомъ жестоко упрекалъ царя въ неправдахъ, губящихъ русскую землю. Курбскій ставилъ на видъ Грозному его непомѣрное самовластіе и нежеланіе слушать совѣта добрыхъ людей и народа. „Царь", писалъ Курбскій, „аще и почтенъ царствомъ, а дарованій, которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣт-

никовъ, но и у *всенародныхъ человѣкъ*". Подъ „всенародными человѣками" Курбскій разумѣлъ земскій соборъ. Подобныя же мысли высказаны были неизвѣстнымъ авторомъ произведенія XVI в. подъ названіемъ „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ". Здѣсь, въ этой „бесѣдѣ", царю совѣтуютъ имѣть при себѣ даже постоянный земскій соборъ, обновляя время отъ времени его составъ.

Практическая необходимость доказала справедливость этихъ совѣтовъ.

По мѣрѣ того, какъ Русь объединялась подъ властью московскихъ князей, росла и крѣпла сама власть этихъ князей. Подъ ея давленіемъ падала всякая самостоятельность, какъ личная (удѣльные князья, бояре), такъ и общественная (Новгородъ, Псковъ); а она сама, какъ бы вбирая въ себя отнятыя у другихъ силы, все росла вширь и вглубь. Московскій удѣльный князь обратился сначала въ великаго московскаго князя, а затѣмъ въ московскаго царя, самодержца, потомка и преемника римскаго Августа Кесаря, какъ учили книжники того времени. Высшаго своего напряженія власть достигла при Иванѣ IV, который первый вѣнчался на царство. Но при такомъ могуществѣ царской власти ей недоставало собственныхъ средствъ для управленія страной.

Обладатель обширнаго, но еще юнаго и плохо устроеннаго государства и неограниченный властелинъ, какимъ былъ Иванъ IV, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи того штата чиновниковъ, при помощи котораго управляетъ страной современное правительство. Чиновничество это образовалось долгое время спустя. Боярство же, ближайшіе совѣтники царя, „болѣе всѣхъ другихъ сословій имѣло свои личные виды, болѣе всѣхъ скорбѣло объ утраченной независимости (при объединеніи московскаго государства) и тайными кознями и явными крамолами старалось обратить государственныя силы въ свою пользу" (Чичеринъ, тамъ же, стр. 534).

Особенно оно показало себя съ этой стороны въ малолѣтство Ивана IV.

А отъ населенія была „докука великая“, т. е. постоянныя жалобы царю на произволъ и разнузданность мѣстныхъ управителей. Такимъ образомъ обращеніе власти къ „землѣ“, привлеченіе народа къ участію въ управленіи страной, указывалось самымъ положеніемъ вещей. И дѣйствительно, тотъ, кто довелъ власть до высшей степени могущества, т. е. Иванъ IV, первый обратился къ содѣйствію „земли“, населенія.

Въ областяхъ было введено мѣстное самоуправленіе, а въ центрѣ начали созываться земскіе соборы. Преобразованное Иваномъ IV мѣстное управленіе тѣсно связано съ предшествовавшей системой мѣстнаго управленія, системой *кормленія.* Поэтому сначала нужно познакомиться съ этой послѣдней.

Начиная съ глубокой древности, на Руси примѣнялся особый порядокъ мѣстнаго управленія, называемый *кормленіемъ*. Онъ состоялъ въ томъ, что лица, отправлявшія въ какой нибудь мѣстности административныя и судебныя обязанности, на самомъ дѣлѣ *кормились* отъ исправленія своихъ обязанностей, жили этимъ. Но не такъ, какъ теперь существуютъ этимъ современные чиновники. Мѣстные управители (намѣстники, волостели) жалованья не получали, а получали доходы. Доходы состояли въ различныхъ пошлинахъ: торговыхъ—за торговыя сдѣлки, судебныхъ—за судъ, свадебныхъ—съ новобрачныхъ и т. п., или въ долѣ налоговъ. Только пошлины за наиболѣе важныя дѣла, напр., убійство, и штрафы шли въ пользу князя, въ княжескую казну. Право суда и управленія населеніемъ отдавалось такимъ образомъ совершенно такъ же, какъ отдается земля или угодья, т. е. въ аренду.

„Владѣй землей и кормись ея продуктами, суди мѣстное населеніе, надзирай за порядками, и бери съ населенія за это, кормись этимъ“. Вотъ какимъ прави-

ломъ руководствовалось тогда правительство. Управители назначались изъ служилыхъ людей, и „кормленіе“ давалось имъ, какъ награда за службу. Кормъ такого рода не всегда точно опредѣлялся, и „кормленщики“ (намѣстники, волостели) стригли пасомое ими населеніе по своему усмотрѣнію. Право населенія жаловаться на кормленщиковъ и попытки правительства опредѣлить точно „корма“ плохо помогали. Въ этомъ состояла одна слабая сторона системы кормленія, бившая по карману населеніе.

Другой стороной „кормленіе“ наносило прямой вредъ и населенію и правительству вмѣстѣ. Такъ какъ кормъ заключался въ пошлинахъ съ дѣлъ, то кормленщиковъ эта, такъ сказать, кормовая сторона только и интересовала. Чѣмъ больше дѣлъ, тѣмъ больше корма, а какъ эти дѣла разрѣшались,—для кормленщика второстепенный вопросъ. Но вѣдь не всякія дѣла желательны для общества. Развитіе торговыхъ дѣлъ, несомнѣнно, полезно, а развитіе судебныхъ тяжбъ—наврядъ. Кражи, преступленія и т. п. дѣянія надо искоренять. Между тѣмъ интересъ кормленщика въ полученіи судебныхъ пошлинъ не поощрялъ въ немъ заботъ о такомъ искорененіи. Частный интересъ, такимъ образомъ, здѣсь сталкивался съ общественнымъ и бралъ верхъ надъ послѣднимъ. Понятно, какъ отъ этого должно было во всѣхъ отношеніяхъ страдать населеніе. Произволъ кормленщиковъ, не въ мѣру жирно кормившихся, вызывалъ отпоръ со стороны населенія. Населеніе возбуждало иски въ судѣ противъ кормленщиковъ, жаловалось на нихъ государю, наконецъ, расправлялось само съ зарвавшимися намѣстниками и волостелями собственными средствами. Понятно, какая отъ этого получалась картина мѣстнаго управленія: произволъ, грабительство, упадокъ власти, правосудія и разореніе населенія.

И вотъ населеніе стало просить царя избавить его отъ намѣстниковъ и волостелей. Правительство само

сознавало неудобство такого управленія. И особенно кормленіе было неудобно для самаго правительства въ то время, когда велись частныя войны и надо было защищать границы государства отъ кочевниковъ. Кормленщики были изъ служилыхъ людей. Стало быть, мѣстное управленіе отрывало ихъ отъ военной службы и наоборотъ, военная служба мѣшала ихъ гражданской службѣ. Очевидно, надо было ихъ освободить отъ одной службы, и скорѣе въ интересахъ государства отъ гражданской, а гражданскую службу устроить по другому. Такъ правительство и сдѣлало. Оно отказалось отъ системы кормленія и перешло къ новой системѣ, *системѣ мѣстнаго самоуправленія*. Эта система была тѣмъ удобна для правительства, что позволяла ему обойтись въ управленіи безъ собственныхъ органовъ. Управленіе и судъ были отданы самому мѣстному населенію.

Мѣстное управленіе, мірское, для хозяйственныхъ цѣлей существовало и ранѣе. Міры въ городахъ и селахъ выбирали старостъ, сотскихъ, дворскихъ. Но кромѣ того тѣ же міры изъ своей среды выбирали особыхъ лицъ для присутствія на судахъ намѣстниковъ и волостелей. Сначала эти мірскіе „лучшіе люди“ были просто *свидѣтелями* или истцами отъ населенія противъ кормленщиковъ въ перебранныхъ кормахъ. Но затѣмъ они получили большее значеніе, обратились въ *цѣловальниковъ*, постоянныхъ присяжныхъ засѣдателей, стало быть, въ извѣстной степени участниковъ суда*).

Такимъ образомъ черезъ этихъ выборныхъ мірскихъ людей мѣстное населеніе мало-по-малу втягивалось въ судъ, и управленіе „кормленщиковъ“ какъ бы захватывало его въ извѣстной долѣ. Этимъ обстоятельствомъ правительство воспользовалось и передало мѣстному населенію все управленіе и судъ. Но сдѣлало

*) «Цѣловальникъ»—тотъ, кто *цѣловалъ* крестъ, т. е. присягалъ при вступленіи въ должность—«присяжный».

оно это съ большимъ разсчетомъ и выгодой для себя. Оно разрѣшило населенію просить о замѣнѣ „кормленія“ мѣстнымъ самоуправленіемъ и тотчасъ же исполняло эти просьбы— и вводило самоуправленіе. Но вѣдь кормленщики были изъ служилыхъ людей, и кормленіе было для нихъ вознагражденіемъ за службу. Лишившись кормленія, они такимъ образомъ лишались необходимой имъ для военной службы матеріальной поддержки. Въ виду этого, правительство, передавая судъ и управленіе мѣстному населенію, положило на него за это ежегодный оброкъ. Оброкъ былъ положенъ въ размѣрѣ кормовъ, платившихся ранѣе населеніемъ кормленщикамъ, и правительство употребляло его на жалованье служилымъ людямъ. Жалованье было назначено взамѣнъ кормленія. Для отправленія суда и управленія населеніе выбирало изъ своей среды особыхъ должностныхъ лицъ (старостъ, цѣловальниковъ, сотскихъ и т. д.). Такой порядокъ веденія суда и управленія мѣстнымъ населеніемъ назывался самоуправленіемъ. Но это самоуправленіе XVI вѣка непохоже на извѣстное намъ теперь самоуправленіе. Теперь самоуправленіе больше право, чѣмъ обязанность. Тогда оно было только обязанность, притомъ очень тяжелая. Прежде всего, какъ видимъ, населеніе оплачивало самоуправленіе ежегоднымъ оброкомъ. Далѣе, выборныя лица несли отвѣтственность не передъ избирателями, а передъ правительствомъ, передъ которымъ и все населеніе отвѣчало за избранныхъ имъ людей. Порядокъ былъ такой: населеніе выбирало кого-нибудь на какую-нибудь должность и давало за него письменную поруку, что онъ будетъ добросовѣстно исполнять свои обязанности; а если онъ не оправдаетъ довѣрія, то общество обязуется за него отвѣчать передъ правительствомъ.

Понятно, при такихъ условіяхъ, самоуправленіе, вмѣсто привлекательнаго права, являлось для населенія очень тяжелой государственной обязанностью, повин-

ностью. Въ выгодѣ здѣсь оказалось не столько населеніе, сколько правительство. Порукой міра за выборныхъ и отвѣтственностью за нихъ правительство крѣпко связало мѣстное населеніе съ собой и обезпечило себѣ осуществленіе государственныхъ интересовъ. Эта новая система—выбора, поруки и отвѣтственности была проведена въ другую, финансовую область. На этой системѣ была построена выборка доходовъ отъ казенной продажи вина, соли и другихъ продуктовъ. Доходы собирались назначенными отъ правительства лицами, но при помощи мірскихъ выборныхъ за порукой и отвѣтственностью выбравшихъ ихъ міровъ.

Вообще мысль управлять населеніемъ при помощи населенія же и обезпечить себя порукой и отвѣтственностью населенія была очень плодотворна для московскаго правительства, и оно очень широко ею пользовалось во всѣхъ своихъ нуждахъ. Послѣ, когда оно обзавелось собственными областными чиновниками, оно отказалось отъ этой мысли въ самоуправленіи и совсѣмъ уничтожило его*).

Но въ XVI вѣкѣ при помощи своеобразнаго самоуправленія, оно умѣло воспользовалось силами населенія для своихъ цѣлей.

Та же мысль, только въ болѣе широкомъ масштабѣ, нашла себѣ приложеніе въ центральномъ управленіи—въ земскихъ соборахъ XVI вѣка.

При помощи мѣстнаго самоуправленія правительство разрѣшало текущія, повседневныя нужды. При помощи земскихъ соборовъ оно хотѣло привлечь населеніе къ разрѣшенію чрезвычайныхъ нуждъ.

Достигши совершеннолѣтія, Иванъ IV рѣшилъ избавиться отъ забравшихъ въ свои руки власть бояръ и править самому государствомъ. Но такъ какъ за время его малолѣтства своеволіе бояръ причинило народу много бѣд-

*) Мысль эта дожила до настоящаго времени: примѣненіе ея можно видѣть въ круговой порукѣ крестьянъ по уплатѣ податей.

ствій, то царь хотѣлъ изгладить изъ памяти народа эти бѣдствія и пріобрѣсти его расположеніе къ себѣ. Посовѣтовавшись съ митрополитомъ, Иванъ IV приказалъ „собрать свое государство изъ городовъ всякаго чина, и въ одинъ прекрасный день въ 1550 году послѣ обѣдни вышелъ съ крестнымъ ходомъ на Лобное мѣсто и сказалъ въ присутствіи народа рѣчь. Въ рѣчи царь разсказалъ о своемъ дѣтствѣ, своеволіи бояръ, о многихъ слезахъ, пролитыхъ въ то время, и своей невинности въ этомъ. Затѣмъ, поклонившись на всѣ стороны, сказалъ: „Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ, молю вашу вѣру къ Богу и къ намъ любовь. Теперь намъ вашихъ обидъ, разореній и налоговъ исправить нельзя, вслѣдствіе продолжительнаго несовершеннолѣтія, пустоты и безпомощности, вслѣдствіе неправдъ бояръ моихъ и властей, безсудства неправеднаго, лихоимства и сребролюбія,—молю, оставьте другъ другу вражды и тягости, кромѣ развѣ очень большихъ дѣлъ; въ этихъ дѣлахъ и въ новыхъ я самъ буду вамъ, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать*). Предполагаютъ, что послѣ этого всенароднаго покаянія царя и торжественнаго заявленія о перемѣнѣ въ управленіи и засѣдалъ первый земскій соборъ, хотя извѣстій о занятіяхъ царя съ выборными, о совѣщаніи, послѣ рѣчи царя на площади, никакихъ не сохранилось.

По мнѣнію проф. В. О. Ключевскаго, соборъ 1550 г. вызванъ былъ жалобами населенія на намѣстниковъ и волостелей. Царь въ своей рѣчи говорилъ именно о злоупотребленіяхъ кормленщиковъ и просилъ народъ забыть объ этихъ злоупотребленіяхъ, не вести тяжбъ съ кормленщиками, а кончить дѣло съ ними миромъ, помириться. Слѣдствіемъ заявленій царя было введеніе земскаго самоуправленія.

*) Соловьевъ, т. 6. 45—46.

Въ 1566 году царь вторично обратился къ народу. Въ это время Россія вела войну съ Польшей изъ-за Ливоніи. Польша предлагала помириться, соглашаясь отдать Россіи Полоцкъ безъ уѣзда. Но царь не соглашался и считалъ возможнымъ отвоевать Ливонскіе города. И вотъ поэтому поводу были запрошены представители земли. Больше въ царствованіе Грознаго земскихъ соборовъ не было. При сынѣ его Ѳедорѣ Ивановичѣ совсѣмъ не было соборовъ. По смерти Ѳедора Ивановича былъ созванъ соборъ для избранія царя, такъ какъ прекратилась династія Рюриковичей. Это соборъ 1598 года, избравшій на царство Бориса Годунова. Соборъ 1598 г. былъ послѣднимъ въ XVI вѣкѣ.

Земскіе соборы XVI вѣка, какъ мы знаемъ, были примѣненіемъ той же самой мысли правительства, которая легла въ основу мѣстнаго управленія—только въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Это лучше всего замѣтно на представителяхъ населенія, являвшихся на земскіе соборы. По составу представителей, соборы XVI в. рѣзко отличаются отъ соборовъ XVII в. Кто были эти представители?

На соборѣ 1566 года были вызваны представители военно-служилаго (дворянства) и торгово-промышленнаго (купечества) классовъ. И тѣ и другіе были столицы, т. е. дворянство было представлено столичнымъ дворянствомъ, а купечество столичнымъ купечествомъ—высшими слоями того и другого класса. Но какъ высшее дворянство, такъ и высшее купечество были агентами правительства, исполнителями его порученій: дворянство по военной, а купечество по финансовой части. Изъ столичнаго дворянства назначались командиры дворянскихъ отрядовъ, а на купечество возлагалось исполненіе финансовыхъ порученій (напримѣръ, служба по сбору косвенныхъ налоговъ), т. е. тѣ и другіе были на службѣ у правительства. И въ этомъ качествѣ они были призваны на соборъ,—о выборѣ ихъ кѣмъ-либо нѣтъ

указаній. Столичное дворянство и столичное купечество были связаны съ провинціальными уѣздными тѣмъ, что ряды ихъ пополнялись изъ уѣзднаго дворянства и купечества. Кромѣ того, въ случаѣ войны, напримѣръ, столичные дворяне обыкновенно становились во главѣ дворянъ своихъ уѣздовъ; точно такъ же, какъ столичное купечество исполняло финансовыя порученія правительства въ своихъ же уѣздахъ. Этой связи столицы съ уѣздомъ, повидимому, было достаточно для правительства, чтобы столичное дворянство и купечество могли представлять интересы своихъ уѣздныхъ собратьевъ. Согласіе же на это послѣднихъ предполагалось само собой, или скорѣе даже совсѣмъ не требовалось.

Соборъ 1598 года нѣсколько отличался отъ собора 1566 года по своему составу. На соборѣ 1566 года дворянство было представлено только столицей, на этомъ же соборѣ появились представители уѣзднаго дворянства изъ его же среды; кромѣ того они были выбраны, хотя только благодаря своему служебному положенію. Во всякомъ случаѣ присутствіе представителей уѣзднаго дворянства, и при томъ выбранныхъ, на соборѣ 1598 г. есть особенность, указывающая на шагъ впередъ въ соборномъ представительствѣ населенія. Отъ столичнаго дворянства на соборѣ 1598 года были начальники приказовъ (судебно-административныя учрежденія), воеводы городовъ, представители дворянскихъ полковъ, т. е. должностныя лица. Купечество на этомъ соборѣ, какъ и на соборѣ 1566 года, было только столичное. Отъ него на соборъ явилось 21 человѣкъ первой статьи (гости—главные финансовые агенты правительства) и старосты высшихъ купеческихъ гильдій и сотскіе сотенъ, полусотенъ и четвертей сотенъ (дѣленіе торгово-промышленнаго населенія столицы, цехи своего рода), т. е. все тѣ же должностныя лица. На обоихъ соборахъ кромѣ того, какъ непремѣнные члены, были въ полномъ составѣ высшія учрежденія: церковное—освящен-

ный соборъ (соборъ iерарховъ церкви) и гражданское, государственное—Боярская Дума (постоянный совѣтъ царя, состоявшiй изъ высшаго дворянства) и дьяки приказовъ.

Стало быть, правительство на земскихъ соборахъ XVI вѣка обмѣнивалось мнѣнiями, совѣщалось со своими собственными органами, принявъ ихъ за представителей народа. Дѣлалось это не потому, что правительство не считало нужнымъ призывать дѣйствительныхъ представителей населенiя, выбранныхъ имъ изъ своей среды,—нѣтъ, а потому, что правительство полагало, что мѣстные правители отлично выполняютъ роль представителей населенiя согласно съ намѣренiями правительства и пониманiемъ имъ сущности народнаго представительства. А представительство населенiя тогда понималось очень своеобразно.

Представитель являлся на соборахъ XVI вѣка не столько ходатаемъ извѣстнаго общества, уполномоченнным дѣйствовать по наказу довѣрителей, сколько правительственнымъ органомъ, обязаннымъ говорить за своихъ подчиненныхъ; его призывали на сборъ не для того, чтобы выслушать отъ него заявленiе, требованiе нуждъ и желанiй его избирателей, а для того, чтобы снять съ него, какъ съ командира или управителя, обязаннаго знать положенiе дѣлъ на мѣстѣ показанiя о томъ, что хотѣло знать центральное правительство, и обязать его исполнять рѣшенiе, принятое на соборѣ. Съ собора онъ возвращался къ своему обществу не для того, чтобы отдать ему отчетъ въ исполненiи порученiй, а для того, чтобы проводить въ немъ рѣшенiе, принятое правительствомъ на соборѣ*).

Такъ правительство понимало роль представителей народа на соборѣ и согласно такому пониманiю призывало на соборъ, въ качествѣ народныхъ представителей,

*) Ключевскiй (Р. М. 1890 г., Кн. I. 169).

своихъ же чиновниковъ. Совмѣщеніе въ одномъ лицѣ представителя интересовъ населенія и исполнителя намѣреній правительства на земскомъ соборѣ XVI вѣка обезпечивало правительству безпрепятственное осуществленіе своихъ намѣреній. Такой представитель населенія являлся на соборѣ съ готовымъ ручательствомъ, что населеніе, которое онъ представляетъ, исполнитъ постановленія собора. А приводя послѣ въ исполненіе постановленіе собора, онъ дѣлалъ это отъ имени интересовъ населенія, которое онъ представлялъ на соборѣ. Такимъ образомъ, достигалось совпаденіе интересовъ населенія съ намѣреніями правительства. На самомъ дѣлѣ при помощи этого правительство только привлекло населеніе къ несенію государственныхъ обязанностей.

Значитъ въ земскомъ соборѣ московское правительство видѣло, такъ сказать, представительство государственнной организаціи, соединеніе того, изъ чего складывался и чѣмъ поддерживался государственный порядокъ. То живое содержаніе, которое жило и двигалось въ рамкахъ этой организаціи, управляемое общество подразумѣвалось не какъ политическая сила, которая могла говорить на соборѣ устами своихъ уполномоченныхъ, а какъ паства, о благѣ которой должны были сообща подумать ея приставники. Соборъ былъ органомъ ея интересовъ, но не ея воли, члены соборовъ представляли собою общество постольку, поскольку они управляли имъ*).

Таковъ былъ земскій соборъ въ XVI вѣкѣ. Въ XVII вѣкѣ онъ значительно уклонился отъ этого своего первообраза. Представительство интересовъ населенія взяло верхъ надъ представительствомъ интересовъ правительства, и въ нѣкоторые моменты достигалось дѣйствительное совпаденіе интересовъ правительства и населенія.

Смутное время, очевидно, сыграло здѣсь значительную роль. Народъ въ силу вещей выступилъ въ дѣя-

*) Ключевскій. (Р. М. 1891 г., 1. стр. 146).

тельной роли. Понятно, послѣ этого, что, когда выбранъ былъ царь и возстановленъ прежній порядокъ, народные интересы должны были громко заявить о себѣ, по крайней мѣрѣ, первое время. Это въ дѣйствительности мы и видимъ на соборахъ XVII вѣка.

II.

Земскіе соборы въ XVII вѣкѣ. Народныя челобитныя.

Семнадцатый вѣкъ въ исторіи земскихъ соборовъ есть время самой напряженной ихъ дѣятельности. Никогда раньше и никогда позже они не созывались въ такомъ числѣ, въ такомъ полномъ составѣ и не принимали такого дѣятельнаго участія въ рѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ вмѣстѣ съ правительствомъ, какъ въ этотъ, по выраженію проф. Загоскина, „золотой вѣкъ“ своего существованія. Собственно въ этомъ вѣкѣ и сложился вполнѣ земскій соборъ, какъ представительное учрежденіе, подобное западно-европейскимъ сословнымъ собраніямъ. Въ XVI же вѣкѣ ему положено было лишь начало.

Хотя документовъ отъ земскихъ соборовъ осталось не такъ много, и они неполны, однако по нимъ можно возстановить соборную дѣятельность. Можно даже возстановить, такъ сказать, образъ этого учрежденія.

Не останавливаясь на каждомъ соборѣ въ отдѣльности, прослѣдимъ общій ходъ дѣятельности земскихъ соборовъ XVII вѣка.

Соборы XVII в., какъ и XVI, не были постоянно и правильно дѣйствующимъ учрежденіемъ, подобнымъ, напримѣръ, современнымъ западно-европейскимъ представительнымъ учрежденіямъ (парламентамъ). Они созывались на время, при томъ неопредѣленное, и въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Такимъ чрезвычайнымъ случаемъ могла быть внѣшняя война, какъ въ 1642 году, когда казаки захватили Азовъ, и надо было рѣшить,

присоединить Азовъ и воевать съ Турціей или отказаться отъ предложенія казаковъ; или, какъ въ 1651 году, когда нужно было рѣшить вопросъ о присоединеніи Малороссіи; или важный вопросъ внутренней политики, какъ, напримѣръ, составленіе новаго Уложенія въ 1648—49 году. Выходъ изъ положенія, созданнаго пресѣченіемъ царствующей династіи, тоже находился при помощи соборовъ—„избирательныхъ“.

Семнадцатый вѣкъ особенно богатъ такими чрезвычайными событіями, и потому тогда такъ много было соборовъ. Молодому, неопытному государю, первому царю новой династіи, Михаилу Ѳедоровичу Романову трудно было одному привести въ порядокъ расшатанное смутой государство, и онъ постоянно обращался за содѣйствіемъ къ самому населенію, народу.

Созывъ собора зависѣлъ отъ воли государя, который рѣшалъ созвать соборъ единолично или же по совѣту съ патріархомъ и боярской думой. Въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда прекращалась династія, соборъ созывался патріархомъ или боярской думой. Такимъ образомъ, созывались избирательные соборы. О вліяніи самого населенія на созывъ земскаго собора скажемъ ниже.

Воля государя объявлялась обычной для того времени формой—„государевой грамотой“, въ которой говорилось о созывѣ собора и по какому поводу и указывалось, кто долженъ на соборѣ участвовать. Вотъ, напримѣръ, въ какой формѣ состоялось постановленіе объ Азовскомъ соборѣ 1642 года.

„Генваря въ 3 день Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳедоровичъ всея Русіи указалъ быти собору, а на соборѣ быти Крутицкому митрополиту и архимандритамъ и игуменамъ и всему освященному собору, и боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ и дьякамъ и головамъ и сотникамъ стрѣлецкимъ, и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ изъ городовъ, и гостямъ, и гостин-

ныя и суконныя сотни и черныхъ сотенъ торговымъ и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ, и сказати всякихъ чиновъ людямъ, что...„ (слѣдуетъ указаніе на поводъ къ созыву собора—ожиданіе турецкаго посла для переговоровъ насчетъ Азова). Далѣе въ грамотѣ говорится, въ какой формѣ должны принять участіе „всякихъ чиновъ люди“ въ соборѣ: „и они бы выбрали изо всякихъ чиновъ, изъ лучшихъ и изъ среднихъ и изъ молодчихъ (разумѣется имущественная состоятельность) добрыхъ и умныхъ людей, съ кѣмъ о томъ дѣлѣ говорити, а кого выберутъ и тѣмъ людямъ принести имена“ (списки) *).

Для оповѣщанія населенія разсылались особыя, такъ называемыя, „призывныя“ грамоты, по всѣмъ городамъ на имя воеводъ или губныхъ старостъ (уголовная полиція), замѣнявшихъ иногда воеводъ. Въ „призывныхъ“ грамотахъ объявлялось о созывѣ собора и предписывалось воеводѣ произвести выборы и прислать выборныхъ въ Москву на соборъ. Вотъ образчикъ такой „призывной“ грамоты, посланной въ 1651 году въ г. Крапивну (нынѣ Тульской губ.) воеводѣ Василію Астафьеву

„Отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Русіи на Крапивну Василію Астафьеву. Писано отъ насъ къ тебѣ напередъ сего (очевидно, грамота посылается вторично), а велѣно выбрать изъ соловлянъ (жителей Соловы, нынѣ села Крапивенскаго уѣзда) лучшихъ дворянъ двухъ человѣкъ и прислать къ намъ къ Москвѣ на срокъ (срочно), на сборное воскресенье (первое въ Великомъ посту) нынѣшняго 1651 года для нашего царственнаго великаго и земскаго и литовскаго дѣла (разумѣется вопросъ о присоединеніи Малороссіи). И какъ къ тебѣ (воеводѣ) сія наша грамота придетъ, и ты бъ нашъ указъ соловлянамъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ сказалъ, чтобъ они... выбрали дворянъ луч-

---

*) Собраніе Гос. Гр. и Дог. ч. III № 113, стр. 378.

шихъ людей двухъ человѣкъ изъ себя, да изъ посадскихъ людей двухъ же человѣкъ тотчасъ и прислали къ указанному сроку, чтобъ нашему и великому дѣлу мотчанья (задержки) не было"...*)

По смыслу названія „земскій", земскіе соборы должны были быть собраніемъ (соборомъ) представителей *всей земли* русской. Повидимому такъ понимали земскіе соборы и московскіе государи и само населеніе. По крайней мѣрѣ въ „актахъ" земскихъ соборовъ встрѣчаются выраженія, указывающія на „всероссійскій" или, лучше сказать, „всеземскій" характеръ соборовъ. Напримѣръ, избирательный соборъ 1613 года названъ „соборомъ всякихъ людей всякихъ чиновъ *всего великаго Россійскаго царства*". О другихъ соборахъ говорится, какъ о соборахъ *„всея русскія земли"*, и совѣщаніе царя на соборѣ называется совѣщаніемъ *„со всѣмъ народомъ всея земли Россійскаго Государства"*. Государевы грамоты въ родѣ приведенной нами обыкновенно приглашаютъ на соборъ „всякихъ чиновъ людей *всего московскаго государства всякихъ служилыхъ и жилецкихъ людей"* (т. е. служилыхъ и неслужилыхъ, тяглые, податные классы). Такимъ образомъ въ сознаніи московскихъ государей и народа земскій соборъ, несомнѣнно, представлялся собраніемъ представителей всей русской земли, и выборные „земли" являлись представителями нуждъ и интересовъ всей русской земли. Въ такомъ случаѣ, по точному смыслу „представители всей русской земли", требовалось бы, чтобы на соборѣ были выборные дѣйствительно отъ *всѣхъ* мѣстъ Россіи. На самомъ дѣлѣ этого никогда не было. Ни на одномъ соборѣ не была представлена „вся Русь" черезъ выборныхъ. На одномъ соборѣ были, положимъ, представители полутораста уѣздовъ, на другомъ двухсотъ, на одномъ соборѣ были представители всѣхъ сословій, на другихъ лишь нѣко-

*) Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ В. Латкина, стр. 91.

торыхъ. Напримѣръ, представители крестьянъ, какъ извѣстно, были всего только на двухъ соборахъ, 1613 и 1622 года. Точно такъ же и число выборныхъ было неодинаково; на соборѣ 1598 г. выборныхъ было 457, а 1649 г.—315.

Происходило это отчасти по винѣ самого правительства, отчасти отъ случайныхъ причинъ и, наконецъ, отъ равнодушія населенія къ своимъ интересамъ и небрежнаго отношенія къ общественнымъ обязанностямъ. Разумѣется, полное представительство, трудно достижимое даже въ настоящее время для того времени было совершенно невозможно, но приблизиться къ нему можно было и тогда. Для этого нужно было установить твердое основаніе для представительства и его строго держаться. Такимъ основаніемъ можетъ быть территорія, округъ или классъ, сословіе. Наше правительство принимало во вниманіе и то и другое, но строго не держалось ни того, ни другого. Повидимому, все-таки правительство больше заботилось о представительствѣ сословій, точнѣе, классовъ (подраздѣленія сословій), чѣмъ округовъ. Однако, нерѣдко бывало, что на соборѣ присутствовали представители не всѣхъ сословій. Бывали случаи, что взамѣнъ представителей одного сословія на соборъ посылались представители другого. Само правительство, предписывая воеводѣ выбрать представителей, не всегда указывало точно, сколько именно отъ каждаго сословія. Словомъ, въ этомъ отношеніи чувствуется какая-то неустойчивость, непостоянство. Условія времени оправдываютъ правительство,—трудно въ такой ранній періодъ, когда формы государственной жизни еще не окрѣпли, и при томъ послѣ кризиса смутнаго времени, ожидать строгой послѣдовательности и опредѣленности. Съ чертами неопредѣленности и непослѣдовательности мы встрѣтимся и дальше при изученіи земскихъ соборовъ. Но даже представители тѣхъ классовъ и мѣстностей, куда посылались „призывныя“ грамоты, не

всегда являлись на соборъ. При обширности размѣровъ государства отсутствіи удобныхъ путей сообщенія и почты, призывныя грамоты или совсѣмъ не получались, или получались очень поздно.

Однако, такая очевидная неполнота и несовершенство представительства, какъ увидимъ дальше, не подрывала фактическаго значенія земскихъ соборовъ, и соборныя рѣшенія разсматривались какъ рѣшенія „всей земли".

Требованія правительства отъ населенія при выборахъ представителей заключались въ слѣдующемъ: оно прежде всего требовало, какъ это видно изъ вышеприведенной грамоты, чтобы каждый классъ, „чинъ", выбралъ отъ себя представителей. Сколько именно представителей долженъ былъ выбрать каждый „чинъ" даннаго округа, иногда опредѣлялось точно, а иногда просто говорилось „сколько пригоже". Повидимому, здѣсь тоже не было какой-либо строго опредѣленной нормы, и побужденія, по которымъ иногда отъ такого-то чина требовалось выборныхъ больше, иногда меньше, уловить трудно. На соборъ 1619 года, напримѣръ, велѣно было прислать отъ духовенства по 1 выборному, отъ дворянъ по 2, отъ посадскихъ по 2; на соборъ 1642 г. велѣно было выбрать изъ большихъ статей (т. е. многолюдныхъ „чиновъ") отъ 7 до 20 человѣкъ, а изъ небольшихъ статей отъ 3 до 6. Въ 1648—49 г. было сдѣлано почему-то различіе между „малыми" и „большими" городами, и изъ первыхъ велѣно было отъ дворянства прислать по 1 представителю, а изъ вторыхъ по 2 представителя. На другихъ соборахъ такой разницы между городами не видно. Обыкновенно всѣ города высылали равное количество представителей. Исключеніе составляли Москва, которой отдано преимущество, какъ столицѣ, и Новгородъ, благодаря тому, что каждая его пятина (Новгородская область дѣлилась на пятины—участки) была приравнена къ городу.

Колебанія въ числѣ представителей видимъ не только въ предписаніяхъ правительства, но и при исполненіи его предписаній. Представители въ дѣйствительности являются на соборъ иногда въ меньшемъ, а иногда даже въ большемъ, чѣмъ было предписано правительствомъ, количествѣ. Напримѣръ, въ 1648 году мецняне и рязанцы прислали вмѣсто 2—по 5 и 8 представителей. Въ г. Крапивнѣ въ 1651 году былъ такой случай. Нужно было послать на соборъ представителей (2) отъ посадскихъ, но посадскихъ въ Крапивнѣ оказалось всего три человѣка, да и тѣ, по словамъ воеводы, „худы (очень бѣдны), бродятъ межъ дворъ“, т. е. побираются, значитъ, прямо нищіе... Тогда воевода распорядился выбрать отъ посадскихъ дворянъ, и были выбраны сынъ боярскій и пушкарь.

Отъ выборныхъ представителей правительство требовало извѣстнаго, такъ сказать, нравственнаго и умственнаго ценза. Выборные должны быть людьми „добрыми, постоятельными“ (положительными, заслуживающими довѣрія), „разумными“ и „смышленными“ и опытными—„которымъ государевы и земскія дѣла за обычай“, т. е. хорошо извѣстны, и которые могли бы „умѣть разсказать правительству обиды, насильства и разореніе“, т. е. разсказать вообще о нуждахъ населенія. Въ отношеніи имущественной состоятельности обыкновенно не дѣлалось никакого различія,—обычное выраженіе „призывныхъ“ грамотъ выбирать „изъ лучшихъ, середнихъ и молодчихъ людей“, т. е. изъ людей всѣхъ трехъ степеней состоятельности.

Чины, или, какъ мы теперь говоримъ, классы, на которые дѣлилось населеніе московскаго государства, были слѣдующіе: во-первыхъ, духовенство—высшее (патріархъ, митрополитъ, архіепископы, епископы, архимандриты и игумены) и низшее (священники, монастырскіе старцы) во-вторыхъ, служилые люди—столичные (бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки—

верхній слой; стольники, стряпчіе, московскіе дворяне и жильцы—второй слой столичнаго дворянства) и провинціальные (городовые, немосковскіе дворяне); верхній слой уѣздныхъ служилыхъ людей назывался выборомъ, —выборные дворяне; низшіе слои уѣздныхъ служилыхъ людей назывались: дѣти боярскіе, дворовые и городовые; въ третьихъ—посадскіе люди, занимавшіеся торговлей и ремеслами, и уѣздные люди, т. е. крестьяне-земледѣльцы. Посадскіе люди составляли черныя сотни и слободы. Высшій слой посадскихъ (столичное купечество) назывался гостями, гостинной и суконной сотнями.

Изъ перечисленныхъ чиновъ не всѣ посылали отъ себя на соборъ выборныхъ представителей. Такихъ представителей выбирали—низшее духовенство, второй слой столичнаго дворянства, уѣздное дворянство, купечество и крестьяне. Высшее же духовенство и верхній слой столичнаго дворянства являлись на соборъ безъ выбора, въ качествѣ высшихъ учрежденій,—духовенство высшаго церковнаго, т. е. Освященнаго собора, а дворянство—высшаго государственнаго, т. е. Боярской Думы. Дума вмѣстѣ съ государемъ и Освященный соборъ были на земскомъ соборѣ органами правительства. Актъ Азовскаго 1642 года собора такъ и называетъ ихъ „властями“. Придворные чины (кравчіе, печатники, дворецкіе и т. п.) тоже участвовали въ земскихъ соборахъ безъ выбора. Такимъ образомъ, наряду съ выборными отъ „чиновъ“ населенія на земскихъ соборахъ XVII в. такъ же, какъ и XVI в., непремѣнными членами были два высшихъ правительственныхъ учрежденія невыборныхъ.

Выборы представителей происходили на мѣстахъ подъ наблюденіемъ воеводы. Получивъ „призывную“ грамоту, воевода прочитывалъ ее „всякихъ чиновъ людямъ“ обыкновенно въ церкви, а затѣмъ происходили самые выборы. Вотъ какъ разсказываетъ одинъ воевода (г. Карачева) о выборахъ дворянами представителей

на соборъ 1651 года. „И я, холопѣ твой (пишетъ воевода въ „отпискѣ“, донесеніи о производствѣ выборовъ), по твоей государевѣ грамотѣ, въ Карачевскомъ уѣздѣ пушкарей и стрѣльцовъ послалъ того же числа (какъ получилъ „призывную“ грамоту), а велѣлъ Государь дворянъ и дѣтей боярскихъ выслать въ городъ Карачевъ тотчасъ всѣхъ для дворянскаго выбору. И дворяне и дѣти боярскіе съѣзжались немногіе въ городъ и сказали мнѣ, холопу твоему*), что по выбору въ списку написаны карачевцы“... такіе-то (слѣдуетъ перечень именъ). Стало быть, для производства выборовъ воевода посылалъ вѣстовыхъ за избрателями, которые съѣзжались въ городъ и выбирали отъ себя представителей, какъ съѣзжаются теперь для выборовъ земскихъ гласныхъ. Сначала, повидимому, были предварительные выборы, т. е. выбирались кандидаты,—о такомъ спискѣ кандидатовъ, очевидно, говоритъ воевода въ своемъ донесеніи. Въ спискѣ 12 человѣкъ, а выбрать надо только 2-хъ. Любопытно, что карачевскій воевода послѣ первыхъ (предварительныхъ) выборовъ, посылалъ второй разъ „по тѣхъ выборныхъ“ „дворянъ“ „курьеровъ“, но ихъ не застали дома, и въ городъ пріѣхало только двое дворянъ (изъ 12 значившихся въ спискѣ). Тогда воевода распорядился этихъ двухъ и послать въ Москву на соборъ. Это очень похоже на тотъ случай въ практикѣ нашихъ современныхъ земскихъ и городскихъ собраній, когда, при малочисленномъ составѣ вторичнаго выборнаго собранія всѣ явившіеся считаются безъ выбора гласными. Значитъ, нѣчто подобное, при равнодушіи къ общественнымъ обязанностямъ, возможно было и въ то время. Но отсюда не слѣдуетъ дѣлать общаго вывода о равнодушіи общества къ земскимъ соборамъ. Наоборотъ, мы знаемъ примѣръ обратнаго отношенія, жгучаго интереса населенія къ со-

*) Въ то время всѣ служилые люди въ офиціальныхъ бумагахъ и прошеніяхъ (челобитьяхъ) писались *холопами*.

бору. Это, какъ увидимъ дальше, было во время собора 1648—49 года.

Самые выборы должны были происходить свободно. Въ большинствѣ „отписокъ“ о производствѣ выборовъ воеводы пишутъ, что населеніе выбрало представителей „*промежь себя*“. И правительство строго наблюдало за тѣмъ, чтобы выборы происходили дѣйствительно „промежъ себя“, свободно, и не было со стороны воеводъ какого-либо стѣсненія свободы выборовъ и давленія. Извѣстенъ даже случай, когда одинъ воевода получилъ строгій выговоръ за нарушеніе свободы выборовъ. Это было съ крапивенскимъ воеводой. На его донесеніи въ Москву о производствѣ выборовъ приказный дьякъ сдѣлалъ слѣдующую любопытную помѣтку: „1651 года февраля въ 28 день послать грамоту съ *осудомъ* къ Василію Астафьеву (крапивенскому воеводѣ), послана къ нему грамота (разумѣется „призывная“ грамота о производствѣ выборовъ), велѣно дворянамъ промежъ себя выбрать дворянъ добрыхъ, *а не ему выбрать и за то его осудить гораздо*“, т. е. за то, что онъ самъ выбралъ, помимо дворянъ, сдѣлать ему замѣчаніе, выговоръ. Но воеводы все-таки позволяли себѣ вмѣшательство въ выборы и иногда безнаказанно. Въ томъ же году муромскій воевода, какъ онъ самъ объ этомъ пишетъ въ своемъ донесеніи „велѣлъ дворянамъ, обѣимъ половинамъ съѣхаться въ съѣзжую избу (присутственное мѣсто уѣзда) и выбрать изъ одной половины по сказкѣ (предварительному списку) дворянина Субботу Семенова сына Чаадаева, а изъ другія половины дворянина Гаврила Иванова сына Черткова. А изъ посадскихъ людей выбралъ двухъ же человѣкъ“. Дворянамъ такимъ образомъ воевода рекомендовалъ выборныхъ, а изъ посадскихъ выбралъ самъ; и нѣтъ извѣстій, что воевода получилъ за это замѣчаніе.

Можно предположить, что выборные при выборахъ получали отъ своихъ избирателей нѣчто въ родѣ ин-

струкцій, наказовъ, наставленій—устныхъ или письменныхъ, въ которыхъ указывалось, о какихъ нуждахъ должны представители говорить на соборѣ, какіе интересы защищать. По крайней мѣрѣ, извѣстный князь Пожарскій, когда разсылалъ по городамъ въ 1612 году грамоты съ приглашеніемъ на соборъ для избранія царя и отраженія поляковъ, писалъ, чтобъ города съ выборными прислали, какъ онъ выражался, „совѣтъ свой за руками“, т. е. письменное за своею подписью мнѣніе. А такое мнѣніе, врученное выборнымъ, есть уже наказъ, инструкція. Какъ извѣстно, это время было временемъ сильнаго броженія. Города дѣятельно сносились между собою, обмѣнивались мнѣніями насчетъ того, какъ устроить государство, какъ прекратить смуту. Не всѣ были согласны, и, понятно, положеніе выборныхъ было бы затруднительно безъ „совѣтовъ„ выбравшаго ихъ населенія. Такіе „совѣты“ нужны были и правительству. А что населеніе относилось не безразлично къ тому, какъ будетъ выборный его защищать на соборѣ интересы населенія, показываетъ слѣдующій случай изъ практики собора 1648—49 года. По окончаніи засѣданія этого собора выборный курскихъ дворянъ обратился къ государю съ просьбой дать ему для проѣзда изъ Москвы обратно въ Курскъ „охранную грамоту“, такъ какъ онъ боялся насилія со стороны курянъ. Съ подобной же просьбой обратились и многіе другіе выборные другихъ городовъ. Оказывается, среди населенія городовъ въ то время замѣчалось сильное броженіе. Народъ, очень заинтересованный составленіемъ новаго Уложенія законовъ, волновался. Населенію конечно, хотѣлось видѣть въ новыхъ законахъ удовлетвореніе своихъ нуждъ. И вотъ названный курскій выборный боялся, что куряне примутъ его враждебно за то, какъ онъ говоритъ въ своемъ прошеніи государю, „что не о всѣхъ нашихъ нужахъ (нуждахъ) твой государевъ указъ учиненъ“. Очевидно, ему наказывали крѣпко сто-

ять за нужды курянъ: а онъ этого не сдѣлалъ, или, лучше сказать, не могъ этого сдѣлать, и потому его ждала не особенно радушная встрѣча—его, какъ и другихъ выборныхъ.

Если не всегда были письменные наказы выборнымъ, то уже устные, можно сказать съ увѣренностью, всегда давались выборнымъ.

По окончанiи выборовъ обыкновенно составлялся протоколъ за подписью „за руками" избирателей, который отсылался съ выборными въ Москву при „отпискѣ" воеводы о произведенныхъ выборахъ.

На случаѣ съ курскимъ выборнымъ лучше всего видна разница между представителями населенiя земскихъ соборовъ XVI и XVII вѣка. Въ XVI вѣкѣ, когда на соборѣ присутствовали въ качествѣ представителей населенiя правительственные чиновники, населенiе не могло къ нимъ предъявлять никакихъ требованiй. Оно безмолвно подчинялось принесенному имъ „представителемъ" рѣшенiю собора. Въ XVII же вѣкѣ, когда на соборъ стали посылаться выборные самимъ населенiемъ изъ своей среды представители, и такимъ выборнымъ давались наказы,—населенiе уже могло требовать отъ представителей защиты своихъ интересовъ. И какъ видимъ, дѣйствительно требовало этого.

По прибытiи въ Москву выборные являлись въ Посольскiй приказъ. На прожитiе въ Москвѣ во время собора выборные получали при отправкѣ „запасы". Впрочемъ выборные бѣдныхъ городовъ не получали такихъ запасовъ. Напримѣръ, выборные Путивля, Рыльска, Курска и др. на соборѣ 1648—49 года писали въ своемъ челобитьи, что они явились къ Москвѣ „безъ запасы". Кромѣ того соборные получали отъ царя жалованье, и за участiе въ выборѣ имъ дѣлались льготы по службѣ.

Обычнымъ мѣстомъ соборовъ были московскiя царскiя палаты—Грановитая палата, Столовая изба, От-

вѣтная палата. Соборъ 1550 года, происходившій на площади (собственно царская рѣчь), или соборъ 1613 года, бывшій въ Успенскомъ соборѣ, составляютъ исключеніе. Порядокъ собора былъ такой. Послѣ торжественнаго богослуженія въ Успенскомъ соборѣ царь являлся въ палату, открывалъ соборъ рѣчью, въ которой указывалъ причину созыва собора и ставилъ вопросы, подлежавшіе обсужденію собора. Впрочемъ, иногда причина созыва собора и предложенія правительства излагались въ особомъ „письмѣ", читавшемся дьякомъ. Копіи съ „письма" тогда раздавались членамъ собора, которые, получивъ копіи, совѣщались „посословно" и, „помысля промежь себя", подавали письменныя мнѣнія. Допускались и особыя мнѣнія отдѣльныхъ лицъ. Иногда мнѣнія чиновъ отбирались дьяками, представленными къ каждой группѣ, напримѣръ, на соборѣ 1653 года „стольники и стряпчіе и дворяне московскіе допрашиваны по чинамъ, порознь"... какъ это значится въ актѣ собора. Во время собора 1648—49 года когда составлялось новое уложеніе, мы видимъ совершенно особую форму участія выборныхъ. Какъ извѣстно, составленіе уложенія, или точнѣе сказать, проекта уложенія, было поручено особой редакціонной комиссіи кн. Одоевскаго. Когда новое уложеніе было составлено комиссіей, то оно было „чтено" на соборѣ и подписано выборными. Роль большинства выборныхъ этимъ и ограничилась. Но нѣкоторые приглашались въ названную комиссію, работавшую, какъ извѣстно, во время самаго собора, и такимъ образомъ принимали непосредственное участіе въ составленіи уложенія. Эти выборные за свое участіе въ комиссіи получили послѣ даже особое вознагражденіе.

Мнѣнія чиновъ, записанныя дьякомъ, представлялись государю, который, по совѣщаніи съ Боярской думой, клалъ рѣшеніе. Рѣшеніе это подписывалось членами собора и получало силу закона, носившаго въ та-

кихъ случаяхъ названіе „соборнаго приговора“, или „соборнаго уложенія“. Рѣшеніе не всегда совпадало съ мнѣніемъ чиновъ, такъ какъ мнѣніе чиновъ не было обязательнымъ для государя. Избирательные соборы, конечно, не идутъ въ счетъ. Здѣсь рѣшеніе собора—выбрать царя—могло быть только выраженіемъ мнѣнія выборныхъ. На избирательныхъ соборахъ, по древнерусскому обычаю, старались прійти къ „единомыслью“. На другихъ же соборахъ не видимъ правильной подачи голосовъ и большинства. Заканчивались соборы нерѣдко обѣдами у государя, въ Столовой избѣ, на которые приглашались всѣ выборные безъ различія.

Въ такомъ порядкѣ созывались и дѣйствовали земскіе соборы въ XVII вѣкѣ. Здѣсь, въ противоположность XVI вѣку, очень замѣтно выступаетъ на первый планъ выборное начало. Населеніе дѣйствительно теперь выбирало отъ себя представителей, давало имъ руководство (наказы) и требовало отъ выборныхъ защиты своихъ интересовъ.

Въ этомъ главное и существенное отличіе земскихъ соборовъ XVII столѣтія отъ соборовъ XVI столѣтія. На нихъ присутствовали подлинные представители народа*). Поэтому только въ соборахъ XVII вѣка мы можемъ видѣть дѣйствительное участіе народа въ управленіи страной. О соборахъ XVI вѣка нельзя этого сказать.

Во время засѣданій земскихъ соборовъ и передъ ними населеніемъ городовъ подавались *челобитья* (просьбы) государю о своихъ нуждахъ. Такими челобитьями народъ хотѣлъ заявить правительству и собору о своихъ нуждахъ и воздѣйствовать такимъ путемъ на его рѣшеніе. Поэтому челобитья прекрасно дополняютъ картину соборной дѣятельности и помогаютъ разобраться въ вопросѣ о значеніи земскихъ соборовъ... Насколько

*) Слѣды прошлаго въ извѣстной степени остались. Такъ, въ числѣ народныхъ представителей земскаго собора 1648 года видимъ должностныхъ лицъ.

подобныя челобитья дѣйствительно оказывали вліяніе на правительство, лучше всего показываетъ исторія земскаго собора 1648—49 года. Этому собору предшествовала „великая докука“ населенія государю. Государство расшатанное смутой, не приведено было еще въ полный порядокъ, гражданскимъ и политическимъ отношеніямъ еще не доставало необходимой устойчивости и опредѣленности. Сообщить тѣмъ и другимъ отношеніямъ устойчивость и опредѣленность могло только приведенное въ порядокъ и согласованное съ современными нуждами законодательство. Населеніе хорошо чувствовало недостатокъ такого законодательства, сильно отъ этого страдало и потому безпрестанно слало государю челобитье за челобитьемъ. Неудобства испытывались всѣми классами, и потому челобитья шли отъ всѣхъ классовъ. И государь, внимая такъ краснорѣчиво и ясно выраженному желанію народа, „по челобитью стольниковъ и стряпчихъ, и дворянъ московскихъ, и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ и всѣхъ городовъ... и гостей и гостинныя и суконныя сотни и всякихъ чиновъ торговыхъ людей (т. е. по челобитью всѣхъ сословій), велѣлъ на Москвѣ государевымъ боярамъ князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому съ товарищи... написать судебникъ и Уложенную книгу“... (слова акта этого собора), т. е. по просьбѣ всего населенія приказалъ образовать извѣстную редакціонную комиссію кн. Одоевскаго для составленія новаго уложенія законовъ. Затѣмъ, для большей освѣдомленности правительства о нуждахъ населенія, былъ созванъ земскій соборъ. Соборъ послужилъ новымъ толчкомъ для населенія, и челобитья стали подаваться уже во время засѣданій собора. Нѣкоторыя изъ такихъ челобитій, какъ извѣстно, даже нашли себѣ прямой отвѣтъ въ новомъ уложеніи. Вотъ какую видную роль сыграли челобитья въ земскомъ соборѣ 1648—49 года. Подобное же вліяніе оказали челобитья на земскую реформу царя Ивана IV. Но чело-

битья населенія не были чѣмъ-либо чрезвычайнымъ въ жизни древней Руси, наоборотъ, это было обычное и очень распространенное явленіе того времени. Населеніе широко пользовалось своимъ правомъ „бить челомъ государю“, „докучать“ ему о своихъ нуждахъ, и шло къ нему, минуя „царскихъ слугъ“, едва ли не со всякой нуждой. Тѣснитъ властолюбивый воевода,—и населеніе „всѣмъ городомъ“ бьетъ челомъ государю, проситъ его заступиться за нихъ, защитить ихъ отъ налоговъ и обидъ насильника. И государь, жалуя челобитчиковъ, велитъ нарядить судъ надъ воеводой или смѣнить его совсѣмъ. А если воевода хорошо правитъ, то населеніе, наоборотъ, проситъ государя продлить срокъ его службы. Не подъ силу платить подати, тяжело отбывать службу, „лихіе люди“ одолѣли, хлѣбъ не родился и т. п.—опять челобитья къ государю. Челобитья подавались всѣми классами, не исключая и сдѣлавшагося впослѣдствіи крѣпостнымъ, крестьянства,—отъ цѣлаго класса, города, нѣсколькихъ городовъ, областей. Черезъ челобитья населеніе непосредственно сносилось съ государемъ, не только минуя „царскихъ слугъ“, но даже часто на нихъ именно жалуясь. Въ нихъ оно, правда, часто въ очень слезливыхъ выраженіяхъ, излагало свои нужды, которыя такимъ образомъ представлялись государю въ чистомъ видѣ, не преломленными въ „приказахъ“. Обыкновенно населеніе, составивъ челобитье и подписавъ его, выбирало особыхъ челобитчиковъ, которые, пріѣхавъ въ Москву, собственноручно передавали челобитье государю, дождавшись его выхода.

III.

Значеніе земскихъ соборовъ.

Историческая судьба земскихъ соборовъ даетъ очень опредѣленный отвѣтъ на то, что они изъ себя представляли, какъ учрежденіе, и какое имѣли значеніе. Судьба ихъ глубоко поучительна.

Начало оживленной дѣятельности соборовъ совпадаетъ со временемъ тяжелыхъ испытаній, посланныхъ судьбой русскому государству въ XVII вѣкѣ. Вслѣдствіе пресѣченія династіи и низложенія царя (Шуйскаго), государство нѣсколько разъ оказывается безъ обычнаго своего руководителя, царя и въ это „безгосударное“ время власть сама собой возвращается къ народу. Такъ было послѣ смерти Ѳедора Ивановича, послѣ смерти Годунова и, наконецъ, послѣ низложенія царя Шуйскаго. Въ такіе исключительные моменты земскіе соборы, какъ видимъ, получали и исключительное значеніе: тогда они являлись верховною властью въ государствѣ.

Избраніе преемника Ѳедору Ивановичу, а потомъ Годунову произошло сравнительно скоро. Не то было послѣ низложенія Шуйскаго. „Безгосударное“ время затянулось, и прежде, чѣмъ былъ избранъ на царство Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, государство испытало страшныя бѣдствія отъ внѣшнихъ враговъ и внутреннихъ неурядицъ. Такимъ образомъ, въ силу обстоятельствъ, долженъ былъ выдвинуться на первый планъ народъ, народная власть, въ видѣ земскихъ соборовъ. Это мы и видимъ. Мы видимъ прежде всего небывалое оживленіе мѣстной жизни, „мѣстныхъ міровъ“. Отдѣльные города и области, тревожась за судьбу свою и судьбу всего государства и ища выхода изъ тяжелаго положенія, начинаютъ дѣятельно сноситься другъ съ другомъ, обмѣниваться мыслями, планами, какъ бы имъ „быть въ любви и въ совѣтѣ и въ соединеніи и стоять единомысленно“ за христіанскую вѣру и противъ враговъ государства. Въ городахъ созываются мѣстные соборы и отъ имени ихъ разсылаются грамоты. Въ грамотахъ города просятъ другъ друга сообщать „вѣсти“ и давать „совѣты“. Эти оживленныя сношенія „мѣстныхъ міровъ“, какъ извѣстно, не остались безъ результата. Они поддержали населеніе въ трудныя минуты и подготовили „единомысленный“ выходъ изъ кризиса избра-

ніемъ царя. Волна народной жизни, такъ сказать, вынесла государство, спасла его отъ гибели. Но кромѣ мѣстныхъ соборовъ представителемъ народной власти въ это время былъ и всероссійскій земскій соборъ.

Послѣ низложенія Шуйскаго верховная власть офиціально перешла къ Боярской думѣ съ княземъ Милославскимъ во главѣ, и до избранія царя дума считалась временнымъ правительствомъ. Но вслѣдствіе раздоровъ и борьбы партій (одни хотѣли избрать польскаго королевича Владислава, другіе—царя русскаго происхожденія), власть была спорна, и легко присваивалась другими. Такъ, земское ополченіе Прокопія Ляпунова, кн. Трубецкого и Заруцкаго, подступивъ къ Москвѣ и расположившись станомъ около нея, избрало своихъ вождей въ качествѣ временнаго правительства *всей Россіи* и дѣйствовало въ этомъ смыслѣ. А само ополченіе образовало изъ себя земскій соборъ, въ который вошли представители 25 городовъ. Соборъ этотъ издалъ даже соборное постановленіе о внутреннихъ распорядкахъ и тоже, стало быть, дѣйствовалъ, какъ правительство.

Но этотъ соборъ можно назвать только условно земскимъ. На немъ не было представителей отъ духовенства, ни посадскихъ, зато въ избыткѣ были представлены служилые люди. Это скорѣе соборъ ополченцевъ, „походная дума“ вождей ополченія, по выраженію историка Н. И. Костомарова.

Гораздо интереснѣе и важнѣе другой соборъ—соборъ второго ополченія. Какъ извѣстно, во главѣ второго ополченія, собраннаго для освобожденія Москвы, сталъ князь Пожарскій. Новый вождь счелъ долгомъ прежде всего призвать народъ къ участію въ установленіи порядка и дѣйствовать отъ имени народа. Поэтому онъ тотчасъ же разослалъ по городамъ грамоты съ предложеніемъ прислать къ нему въ станъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій.—„Для земскаго совѣта къ намъ вскорѣ“, какъ говорилось въ

его посланіяхъ,—„и молити бы намъ всѣмъ Всемилостиваго Бога, чтобы намъ православнымъ христіанамъ быть въ любви и въ совѣтѣ, безо всякихъ сердечныхъ злобъ“.. чтобы „совѣтовать со всякими людьми общимъ совѣтомъ“, „какъ бы намъ въ нынѣшнее конечное разореніе быти не безгосударнымъ“ (слова другой грамоты) и, наконецъ, чтобъ „намъ, по совѣту всего государства, выбрать общимъ совѣтомъ государя“... (слова той же грамоты). Города откликнулись на призывъ кн. Пожарскаго, выслали выборныхъ, и такимъ образомъ около него составился уже дѣйствительно земскій соборъ. Съ этого момента Пожарскій не предпринималъ уже ничего безъ участія собора, и всѣ распоряженія дѣлались отъ имени собора.

Такъ, отъ имени собора велись переговоры съ Новгородомъ объ избраніи на царство сына шведскаго короля Карла IX. Князь Пожарскій поддерживалъ мысль новгородцевъ, чтобы сохранить со шведами дружественныя отношенія. Въ этомъ смыслѣ онъ отвѣтилъ новгородцамъ, прося ихъ въ то же время быть „съ нами въ любви и совѣтѣ“. Отвѣтъ написанъ отъ имени собора —„о томъ мы къ вамъ пишемъ *всею землею*, по крестьянскому (христіанскому) своему обѣту“, говорится въ посланіи. Дѣло о покушеніи на князя Пожарскаго разбиралось тоже на соборѣ „*землею*“.

Сначала соборъ находился въ Ярославлѣ, затѣмъ вмѣстѣ съ Пожарскимъ двинулся къ Москвѣ, а когда Москва была взята и очищена отъ поляковъ, соборъ засѣдалъ въ Москвѣ. Послѣднимъ актомъ этого собора была разсылка по городамъ грамотъ съ извѣщеніемъ о взятіи Москвы и присылкѣ въ Москву выборныхъ для избранія царя. Послѣ этого соборъ разошелся, и вмѣсто него собрался уже новый, тотъ самый, который избралъ на царство Михаила Ѳедоровича Романова.

Итакъ въ это „безгосударное“ время видная руководящая роль земскаго собора—внѣ всякаго спора и

сомнѣнія. Онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ управленіи, и его именемъ дѣлаются распоряженія.

Новое царствованіе началось при такихъ обстоятельствахъ, что участіе народа являлось прямо необходимымъ. Государство носитъ на себѣ свѣжіе слѣды страшнаго разоренія и потрясенія всѣхъ жизненныхъ устоевъ, а на престолѣ юноша, исполненный благихъ намѣреній, но совершенно неопытный, не знающій, какъ привести въ порядокъ разстроенное смутой государство.

Сознавая свою полную безпомощность, Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ даже согласился принять „бразды правленія“ лишь на томъ условіи, что избравшій его народъ будетъ ему помогать въ исполненіи принятой имъ на себя тяжелой задачи. И дѣйствительно, народъ въ первые годы царствованія дѣятельно помогаетъ своему избраннику въ устроеніи земли. Земскій соборъ почти не распускается *), онъ дѣлается постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ. Онъ не созывается, какъ это было послѣ, только на извѣстное время, по извѣстному поводу и затѣмъ распускается. Онъ участвуетъ въ текущихъ дѣлахъ, и всѣ распоряженія идутъ отъ государя и земскаго собора вмѣстѣ. Государь все дѣлаетъ по совѣту съ земскимъ соборомъ. Земскій соборъ даже по собственному почину вноситъ предложенія. Такъ въ 1619 году онъ предложилъ (билъ челомъ Государю) о назначеніи отца государя Филарета патріархомъ. И отдѣльныя сословія съ рѣдкимъ единодушіемъ на соборѣ отзываются на предложенія правительства и оказываютъ ему свое содѣйствіе. Такъ, на соборѣ 1621 года, когда рѣшается вопросъ о войнѣ съ Польшей, всѣ чины обнаружили полное единодушіе и готовность къ жертвамъ ради общаго блага. Они всѣ били челомъ государю, чтобы онъ стоялъ за церкви

*) Въ это царствованіе соборы были: въ 1613—1615, 1616, 1618, 1619, 1620, 1621, 1622, 1633, 1634, 1636, 1642 гг. (12 соборовъ).

Божіи, за свою государскую честь и за государство противъ недруга своего, польскаго короля Сигизмунда и сына его Владислава. Духовенство заявило, что будетъ молить Бога и чудотворцевъ о побѣдѣ и скоромъ замиреніи. Служилое сословіе обѣщалось „за ихъ Государей (Михаила Ѳедоровича и отца его митрополита Филарета) и за ихъ государство противъ польскаго и литовскаго короля битися, не щадя головъ своихъ“. А чтобы никто не уклонился отъ службы, дворяне и дѣти боярскіе просили велѣть разобрать ихъ въ городахъ, „кому мочно ихъ государства службы служити“. Торговые люди, наконецъ, предложили въ распоряженіе правительства матеріальныя средства—взять съ нихъ, „смотря по ихъ прожиткамъ“, состоятельности.

Такое исключительное положеніе земскій соборъ занималъ до 1622 года. Послѣ этого чины московскаго государства стали созываться лишь по мѣрѣ надобности, на короткое время, и тотчасъ же распускались, какъ проходила надобность, разрѣшался вопросъ, по которому чины были созваны. Обыкновенно это были финансовые вопросы. Еще не приведенное въ порядокъ государство очень нуждалось въ средствахъ. Особенно нужда въ деньгахъ обострялась во время войнъ, которыя тогда были часты. И вотъ ради полученія денегъ государь созывалъ земскіе соборы (1633-34, 1636-37, 1642 гг.) Но населеніе, медленно оправлявшееся послѣ смутнаго времени, начинало уже тяготиться частыми требованіями съ него—то денегъ, то войска. Замѣтно убавилась прежняя готовность къ жертвамъ, отличавшая земскихъ выборныхъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича. Народъ, очевидно, усталъ. Правительство и само чувствовало это и старалось въ такихъ случаяхъ подѣйствовать на народныхъ представителей нравственными мѣрами: обращалось къ чувству патріотизма; къ религіознымъ чувствамъ. Такъ на земскомъ соборѣ 1633 года чинамъ говорили, что жертва

съ ихъ стороны „будетъ пріятна Богу и государю“. „И то ваше прямое (нелицемѣрное) даяніе *пріятно* будетъ самому Создателю Богу. А Государь Царь и Великій-Князь Михаилъ Ѳедоровичъ то ваше вспоможеніе *учинитъ памятно* (т. е. помнить будетъ) и впредъ учнетъ жаловать своимъ государскимъ жалованіемъ во всякихъ мѣрахъ“ (слова соборнаго акта).

На соборѣ 1642 года, созванномъ для рѣшенія вопроса о принятіи отъ казаковъ г. Азова и войны съ турками, эта усталость и уже рознь чиновъ, вмѣсто былого единодушія, обозначились особенно полно и рѣзко. Вопросъ въ сущности опять свелся къ деньгамъ и войску. О войнѣ же правительство рѣшило само, еще до собора. И вотъ отдѣльные чины, высказавшись всѣ за принятіе Азова и за войну съ турками, въ то же время дали сбивчивый, уклончивый отвѣтъ о своемъ содѣйствіи правительству. Всѣ больше положились на волю государя—„какъ его Богъ извѣститъ“. Духовенство сказало, что его дѣло молиться Богу, а ратное дѣло ему „не за обычай“. Торговые и посадскіе люди сослались на служащихъ людей, которымъ ратное дѣло „за обычай“ и у которыхъ для этого есть средства (помѣстья и вотчины. Они же, торговые люди, готовы тоже послужить, чѣмъ могутъ, но очень обнищали и „разорены въ конецъ“. Служилые люди—одни предложили послать на войну вольныхъ охочихъ людей (охотниковъ), другіе, изъявляя полную готовность служить государю, въ то же время заявляли о своей бѣдности, разореніи отъ мздоимцевъ и совѣтовали государю обратиться за срествами къ монастырямъ и собирать ратныхъ людей „окромѣ ихъ (нашихъ) крѣпостныхъ и старинныхъ людишекъ и крестьянишекъ“. Мало того, уѣздное дворянство нѣкоторыхъ городовъ даже просило государя, въ виду ихъ бѣдности, „взыскать своею государскою милостью, помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ“. И это въ такой-то моментъ, когда государство нуждается въ

деньгахъ и людяхъ, когда нужны жертвы со стороны населенія!

Соборъ высказался за войну съ Турціей. Но это не мѣняетъ перваго впечатлѣнія не въ пользу собора. Новыя жертвы, какихъ требуетъ правительство, очень тяжелы и нежелательны; но такъ какъ обладаніе Азовомъ выгодно для Россіи и желательно правительству (соборъ зналъ мнѣніе царя), то надо уступить необходимости. Вотъ смыслъ отвѣта народныхъ представителей на земскомъ соборѣ 1642 г.

Такимъ образомъ, къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича замѣчается какъ бы упадокъ дѣятельности земскихъ соборовъ.

Переходъ престола отъ Михаила Ѳеодоровича къ сыну его Алексѣю Михайловичу состоялся при участіи представителей земли, земскаго собора. Современникъ, извѣстный дьякъ Котошихинъ разсказываетъ, что представители народа „обрали“ (выбрали) сына Михаила Ѳеодоровича на царство. Однако, соборъ, о которомъ говоритъ Котошихинъ, не то, что избирательный соборъ 1613 года; это скорѣе торжественное признаніе новаго царя „землею“, сопровождавшееся поздравленіемъ и принесеніемъ ему даровъ.

Ко времени вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича слѣды „великой разрухи московскаго государства“ успѣли посгладиться. Населеніе стало понемногу оправляться отъ нанесенныхъ потерь, и власть въ глазахъ народа пріобрѣла прежнее обаяніе и силу, утраченную въ смутное время. Стало быть, условія царствованія для Алексѣя Михайловича были болѣе благопріятны, чѣмъ для его отца. Естественно, онъ долженъ былъ чувствовать себя увѣреннѣе и спокойнѣе—держава его окрѣпла. Яснѣй ему представлялась цѣль, какъ правителю, и виднѣй были средства, при помощи которыхъ онъ могъ править государствомъ. Совѣтъ и помощь народа теперь уже не нужны были въ такой сте-

пени, какъ при Михаилѣ Өеодоровичѣ. И потому мы видимъ прежде всего, что земскіе соборы созываются значительно рѣже. Вмѣсто 12 соборовъ царя Михаила въ это царствованіе было 4 собора и два совѣщанія съ торговыми людьми, которые нѣкоторые ученые называютъ „неполными“ соборами. Наиболѣе важнымъ былъ соборъ 1648—49 года, созванный для составленія новаго уложенія законовъ. Мы уже знаемъ, какое большое участіе приняло въ этомъ соборѣ населеніе. Въ слѣдующее царствованіе—Өеодора Алексѣевича мы совсѣмъ не ходимъ земскихъ соборовъ; въ это царствованіе было лишь нѣсколько совѣщаній правительства съ отдѣльными классами по поводу ихъ нуждъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что земскій соборъ въ смутное время является носителемъ верховной власти: онъ избираетъ царя, а въ „безгосударное“ время отъ него, какъ источника верховной власти, идутъ всѣ распоряженія,—все дѣлается его именемъ. При первомъ царѣ новой династіи земскій соборъ, хотя и существуетъ при немъ, какъ только вспомогательный органъ, но первые годы, какъ постоянно дѣйствующее учрежденіе, участвуетъ въ изданіи новыхъ законовъ и въ управленіи страной. Затѣмъ изъ постояннаго учрежденія земскій соборъ при Михаилѣ же Өеодоровичѣ обращается въ учрежденіе, созываемое лишь въ извѣстныхъ случаяхъ на короткое время, и въ этомъ видѣ продолжаетъ участвовать въ управленіи. Къ концу царствованія соборная дѣятельность затихаетъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича соборы продолжаютъ созываться и участвовать въ управленіи, но гораздо рѣже. Составленіе новаго уложенія вызвало подъемъ соборной дѣятельности. Преемникъ Алексѣя Михайловича совсѣмъ не созывалъ соборовъ, и они, послѣ шумной дѣятельности смутнаго времени и первыхъ годовъ царствованія Михаила Өеодоровича, все замирая и замирая, совсѣмъ прекращаютъ свое существованіе.

Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ иногда вмѣсто соборовъ созывались „совѣщанія“. Такъ, напримѣръ, было „совѣщаніе“ съ торговыми людьми г. Москвы о торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей. При Алексѣѣ Михайловичѣ такой опросъ отдѣльныхъ классовъ сталъ практиковаться еще шире и уже прямо замѣняетъ земскіе соборы. Подобныя совѣщанія перешли и въ слѣдующія столѣтія; земскіе же соборы окончательно исчезли изъ русской государственной практики.

Легко замѣтить очевидную связь между паденіемъ земскихъ соборовъ и ростомъ и укрѣпленіемъ власти московскихъ государей. (Земскіе соборы XVI вѣка не идутъ въ счетъ—они стоятъ особнякомъ).

Пока эта власть слаба и нуждается въ содѣйствіи земли, земскіе соборы созываются; когда же московскіе государи почувствовали себя достаточно сильными, чтобы обходиться собственными средствами, они перестали созывать земскіе соборы, т. е. воля государя вызвала ихъ къ жизни и воля же государя ихъ прекратила. Народъ продолжаетъ считать необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ совѣтъ земли, въ то время, когда правительство уже отказалось отъ мысли о необходимости совѣтоваться въ важныхъ случаяхъ съ землей. Во второй половинѣ XVII вѣка былъ такой случай. Въ 1662 году, когда, вслѣдствіе паденія курса мѣдныхъ денегъ, все вздорожало, правительство запросило торговыхъ людей столицы, какія мѣры принять противъ дороговизны. На запросъ правительства торговые люди Кадашевской слободы отвѣтили: „А о семъ великаго государя милости просимъ, чтобы великій государь изволилъ взять сказки у городовыхъ земскихъ людей, *что то дѣло всего его великаго государства*“. Въ томъ же смыслѣ, только еще опредѣленнѣе, высказалось высшее столичное купечество. Оно сказало относительно мѣръ противъ дороговизны: „А чѣмъ тому помочь и о томъ мы нынѣ одни сказать подлинно недоумѣемся для того,

что *то дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ*, и о томъ у великаго государя милости просимъ, чтобы пожаловалъ великій государь, указалъ для того дѣла взять изо всѣхъ чиновъ на Москвѣ и изъ городовъ лучшихъ людей по пяти человѣкъ; а безъ нихъ намъ однимъ того великаго дѣла на мѣрѣ поставить невозможно“, т. е. разрѣшить удовлетворительно такой важный вопросъ. Понятно, о чемъ говорятъ торговые люди: они говорятъ о земскомъ соборѣ, который по ихъ мнѣнію необходимо созвать. Ибо только представители всего государства способны разрѣшить вопросъ такой общегосударственной важности, какъ дороговизна припасовъ. Правительство, однако, думало иначе, и земскій соборъ не былъ созванъ. Торговые же люди не могли, конечно, настаивать на своемъ мнѣніи,—они для этого не имѣли ни правъ, ни возможности.

Послѣ совсѣмъ не встрѣчаемъ такихъ заявленій населенія. О земскихъ соборахъ какъ бы забыли—и правительство и населеніе.

Принявъ въ расчетъ теперь описанную историческую обстановку дѣятельности земскихъ соборовъ, мы должны сказать, что для своего времени земскіе соборы имѣли большое значеніе и сослужили великую службу. Нужды нѣтъ, что они, какъ мы видѣли, зависѣли отъ обстоятельствъ. Они были средствомъ общенія верховной власти съ народомъ. Здѣсь верховная власть встрѣчалась непосредственно, лицомъ къ лицу, съ народомъ. И какъ верховная власть могла выслушивать народъ, такъ народъ могъ открыто и прямо заявлять о своихъ нуждахъ. Иногда земскіе выборные, созванные на соборъ для рѣшенія извѣстнаго только вопроса, пользовались случаемъ и заявляли правительству о текущихъ нуждахъ населенія, въ родѣ податной тяготы, лихоимства чиновниковъ и т. п. Это особенно дорого въ земскихъ соборахъ. Такъ было, напримѣръ, въ пер-

вые годы царствованія Михаила Өеодоровича. Правда не было никакихъ писанныхъ законовъ, установленій, въ силу которыхъ созывались и дѣйствовали земскіе соборы. Все въ концѣ концовъ зависѣло отъ воли государя. И самъ народъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ столичнаго купечества, смотрѣлъ на созывъ собора, какъ на *милость* государя, а не на свое право. („И о томъ у великаго государя милости просимъ", писали купцы въ своей сказкѣ). Но и царь и народъ чувствовали, что они другъ другу нужны, и въ извѣстные моменты необходимо имъ совѣщаться и дѣйствовать сообща. Въ сознаніи людей того времени *государь* и *земля* не сливались въ одно, а различались, и за послѣдней такъ же, какъ и за первымъ, признавалось извѣстное право, голосъ. Отраженіе этого видно въ языкѣ актовъ, офиціальныхъ бумагъ того времени. Въ „призывныхъ грамотахъ", приглашавшихъ выборныхъ на соборъ, всегда говорилось, что они приглашаются для рѣшенія „*государева и земскаго дѣла*", что отъ выборныхъ требуется умѣнье, опытность въ „*государевомъ* и *земскомъ дѣлѣ*". И въ другихъ актахъ земскихъ соборовъ встрѣчалось тоже различеніе собственно государева дѣла отъ земскаго. Пусть это различіе случайно, но оно тѣмъ не менѣе есть. Но такое отношеніе между государемъ и землею держалось обычаемъ, извѣстною нравственною связью между тѣмъ и другой. Въ тяжелыя минуты государственной жизни эта связь крѣпла, въ счастливыя слабѣла, пока не исчезла совсѣмъ, забылась.

Указанное различеніе государева дѣла и земскаго, государя и земли, смутное само по себѣ, не перешло, такъ сказать, въ правосознаніе народа, не отлилось въ юридическіе формы и оттого исчезло безслѣдно. Государево дѣло, какъ болѣе опредѣлившееся и какъ болѣе сильное, поглотило земское дѣло, уничтожило различіе между ними.

Латкинъ: Земскіе соборы древней Руси. *Ключевскій*: Статьи въ «Русской мысли» за 1890, 91 и 92 гг.; *Милюковъ*: Очерки по исторіи русской культуры, ч. III. ст. 13. *Алексѣевъ*: «Новый документъ къ исторіи земскаго собора 1648—49 года» въ «Трудахъ Археографической комиссіи Московскаго Археологическаго Общества» за 1900 годъ.

